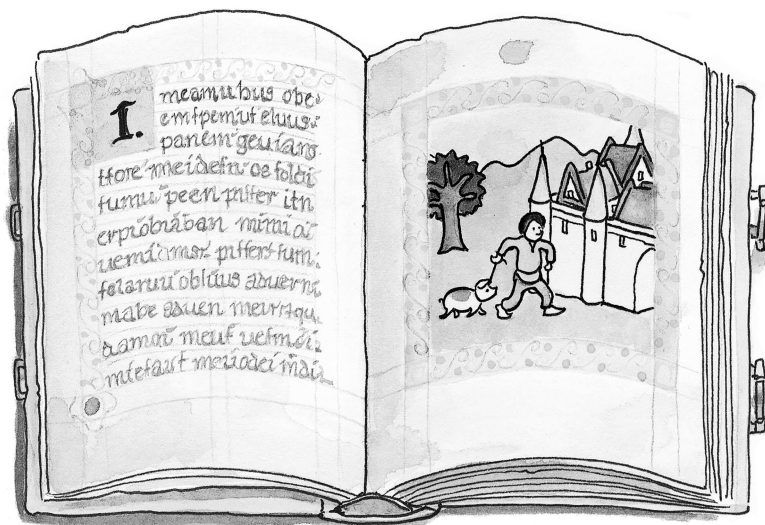

Часть первая

Как Тренк убежал из дома в город

Глава 1,

*В которой рассказывается,
кто такой Тренк Тысяча Ударов*

Я хочу поведать тебе о маленьком рыцаре по имени Тренк Тысяча Ударов, таком храбром и сметливым, да в придачу добром и великодушном,

что слава о нём разнеслась от гор до самого моря. В те времена, как ты помнишь, это был почти весь мир, потому что Америку ещё не открыли.

А ведь никто не мог и предположить, что Тренк станет прославленным рыцарем. Родился он в крестьянской лачуге, где дождевые капли просачивались сквозь ветхую соломенную крышу и в воздухе постоянно висел дым от открытого очага. В лачуге жили его отец Хауг, его мать Марта, младшая сестрёнка Миа-Мина и, конечно, сам Тренк вместе с тощей козой и маленьким поросёнком. Все они спали в крошечной комнатке на глиняном полу. Отец Тренка был крестьянином, и если ты думаешь, что это совсем неплохо (хотя тогда не было ни тракторов, ни молотилок), то, увы, это не так. Во времена, о которых пойдёт речь в этой книжке, крестьянам не принадлежали ни лачуги, в которых они жили, ни земля, которую они возделывали, ни коровы, которых они доили, ни свиньи, которых они растили на мясо. Даже

сами крестьяне, их жёны и дети себе не принадлежали.

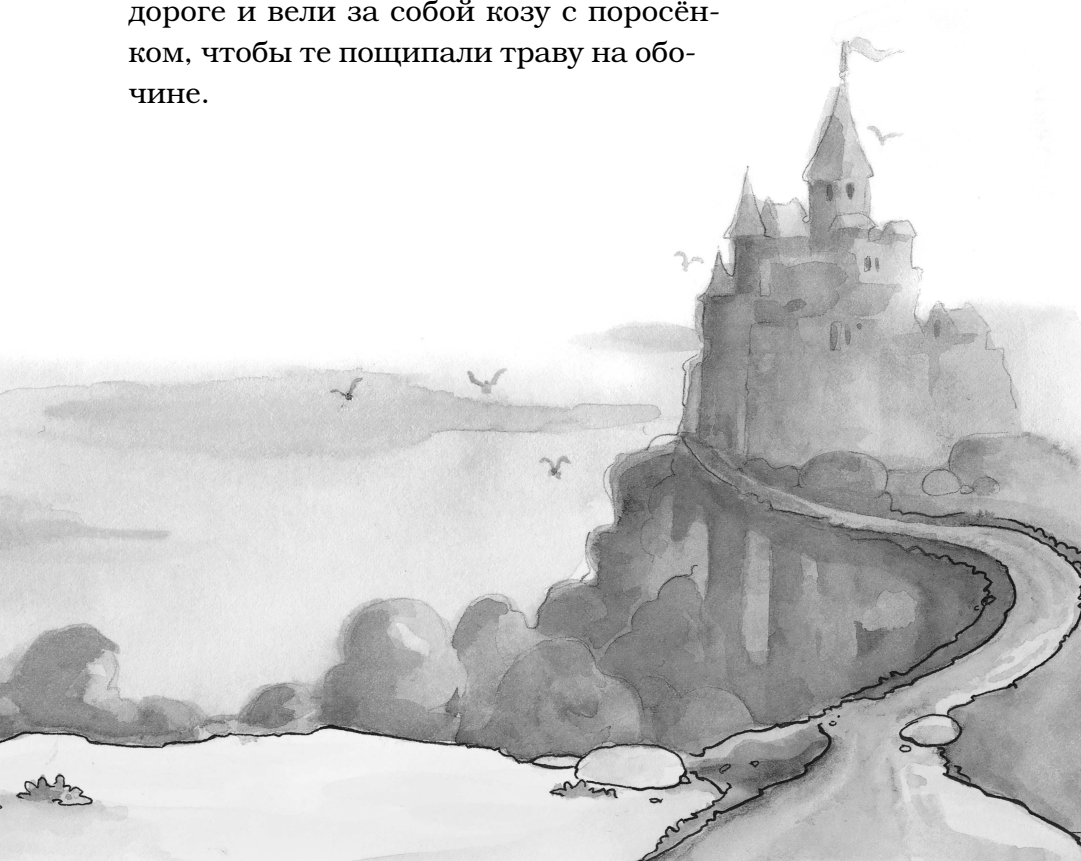
Да, даже они сами, их жёны и дети принадлежали не себе! Всеми ими владел рыцарь. Он жил в большой, гордой крепости, построенной на высоком холме, и крестьяне трудились на него не покладая рук. Они были обязаны отдавать ему оброк — часть выращенного зерна, капусты и репы; часть мяса их свиней и часть сыра из молока их коров и коз. А если рыцарь требовал, чтобы крестьяне работали на его полях или вырыли ему новый колодец, срочно, хоп-ля! — им приходилось бросать все дела и бежать к рыцарю, забыв о работе на своей земле. В это время их собственные зерновые посевы гнили на поле, недоенные коровы мычали от боли, но рыцаря это не беспокоило. Если крестьянин не делал того, что требовали, его

просто хлестали кнутом, ведь крестьянин тоже был собственностью рыцаря.

Да, так было во времена крепостного права, и крестьянские мальчишки и девчонки наверняка ломали голову, что же им сделать, чтобы не влачить всю жизнь жалкое существование. Ведь они с малых лет помогали родителям на полях, отгоняли ворон от фруктовых деревьев, пасли домашний скот, но всё равно жили впроголодь, потому что рыцарь забирал у их семьи всё самое лучшее.

— Вот я вырасту и избавлю вас от этого, — заявил Тренк, когда однажды вечером его отец вернулся домой весь в синих рубцах от кнута. — Никогда я не стану крестьянином и не позволю себя бить господину рыцарю! Не дождётесь! — Он и его младшая сестрёнка Миа-Мина шли по деревенской дороге и вели за собой козу с поросёнком, чтобы те пощипали траву на обочине.

— Что же ты можешь сделать? — спросила Миамина и дёрнула за верёвку, подгоняя козу. — Недавно говорится: крепостным родился, крепостным и помрёшь.

И это была истинная правда. Но Тренк не соби-рался с этим мириться.

— Тогда я сам стану рыцарем, — решительно заявил он.

Его сестрёнка так рассмеялась, что у неё выскользнула из рук верёвка. Пришлось им вдвоём гоняться за козой по всей деревне. И в тот вечер Тренк больше не заводил разговоров о своей мечте.

Но всё равно через некоторое время все его мечты сбылись, а как и почему — я сейчас расскажу.

Глава 2,

*В которой рассказывается,
как управляющий увёл отца Тренка*

Это случилось прекрасным июньским днём, когда на полях так ярко сверкал золотом рапс, что солнышко, чтобы не отстать от него, приходилось светить особенно старательно. И вот в такой приятный день, уже под вечер, в лачугу Тренка постучал управляющий из замка. Но постучал он не потому, что дверь была заперта, а чтобы показать хозяевам, что к ним пришёл приличный человек с хорошими манерами. При виде управляющего все жители деревни бросились по домам и затаились, не высовывая носа.

Тем временем солнышко спряталось за ближним лесом, а небосклон засиял всеми оттенками красного. Хауг, отец Тренка, только что сказал жене, что завтра тоже будет прекрасная солнечная погода, и он собирается хорошенько прополоть поля, убрать сорную траву, а Тренк и Миа-Мина должны будут ему помочь.

— Ну и ну! — удивлённо произнёс Хауг, услышав стук. — Что за поздний гость к нам пожаловал?

— Сейчас я открою! — воскликнула Миа-Мина.

Только не думай, что эта девочка была такой воспитанной и услужливой! Просто ей надоело по-

мешивать похлёбку в висевшем на цепях над очагом котле и смотреть на сморщенные кусочки прошлогодней репы, которые плавали в воде, — весь ужин бедняков. При этом у неё так громко и грозно урчал живот, что с непривычки можно было испугаться.

— В этом нет необходимости, — раздался усталый мужской голос, и в потоке света, который струился сквозь низкий дверной проём, вся семья увидела, как управляющий, слегка смущаясь, отогнал палкой поросёнка, который безуспешно обшаривал своим маленьким розовым пяточком глиняный пол в поисках чего-нибудь съедобного. — Прощу прощения за вторжение, Хауг Тысяча Ударов, но я опять вынужден забрать тебя в замок.

Скорее всего, ты не знаешь, кто такой управляющий, и поэтому не понимаешь, почему мать Тренка испуганно схватилась за голову, а сестрёнка тихонько взвизгнула (совсем как поросёнок), и почему Тренк сжал кулаки. Лишь его отец покорно встал с табурета.

— Раз уж так получилось, значит, так тому и быть, — сказал он со вздохом. — Не надо извиняться, управляющий, коли ничего нельзя изменить.

Такой вот управляющий работал в те времена на своего феодала и рыцаря. Он уводил в замок всех крестьян, которые отдавали рыцарю недостаточно много зерна, капусты и репы, свинины или гусей. Там над ними вершили суд и чаще всего приговаривали к порке кнутом, если только хозяину замка не приходило в голову другое наказание, более мягкое, что случалось, к сожалению, нечасто. Наверняка и тогда встречались добрые и милосердные феодалы, которые хорошо относились к крепостным и редко подвергали их порке. Но рыцарь Вертольт Лютый, на земле которого жил отец Тренка, уж точно был не из их числа.

— Ох беда, ох беда! — в отчаянии причитала мать Тренка. — Хауг, ты опять не заплатил оброк?

Управляющий сокрушённо кивнул, и было заметно, что он не очень охотно выполняет свои обязанности.

— Как и раньше, — буркнул он. — Как каждый год.

— Где ничего нет, и отдать ничего нельзя! — возразил Хауг и сунул ноги в деревянные башмаки-

пантины, хотя было лето, и он, как и все жители деревни, ходил босой, потому что пантины надо было беречь к зиме. Но ведь не мог же он явиться к своему господину с грязными босыми ногами. — Если наш господин рыцарь...

— Да хранит его Господь! — с благоговением воскликнула мать Тренка и почтительно присела в книксене.

— ...если наш господин рыцарь не понимает, что он дал мне скудный, каменистый и бесплодный клочок земли и урожая с него не хватает даже на то, чтобы прокормить мою семью, — сказал Хауг, — если он не понимает, что мы и так голодаем и что у нас не найдётся даже обглоданной куриной косточки, которую мы могли бы отдать ему как оброк...

— ...тогда наш господин рыцарь старый усатый дурак! — воскликнула сестрёнка Тренка и тут же прикрыла себе ладонью рот. Ведь если её слова дойдут до ушей хозяина замка, то, как ты, конечно, понимаешь, на следующий день не только её отца будут пороть кнутом.

Но управляющий был хороший человек. Он без охоты выполнял свою суровую работу и всякий раз стыдился, когда ему приходилось вести бедного крестьянина к рыцарю.

— Я не слышал, что сейчас сказала девочка, — вздохнул он. — Ведь у деток тихие голоса. Но ты, Хауг Тысяча Ударов, всё равно пойдёшь со мной. Впрочем, я могу немного подождать, если твоя жена захочет собрать тебе в дорогу еды. Потому что подземелье в замке холодное и пустое, кормить там не кормят. Да ты и сам уже знаешь.

— Еды? Откуда её взять-то, милый? — сердито отозвалась мать Тренка. — Господин управляющий ведь видит, что у нас нет ни крошки!

Управляющий заглянул в котёл, висевший над огнём, в котором всё ещё тихо бурлила водянистая похлёбка, и снова вздохнул.

— Ну, как знаете, мне всё равно. — Он пожал плечами.

Хауг уже стоял возле двери.

— Ничего, переживём! — заявил он. — Ещё одна порция кнута меня не убьёт. Если господин рыцарь...

— Да хранит его Господь! — снова воскликнула мать Тренка и почтительно присела в книксене.

— ...и на этот раз выберет для порки то же место, что и в прошлом году, мне вообще это не повредит. На моём сидении давно уже образовались мозоли.

Сказав это, он шагнул за порог. Управляющий торопливо вышел следом.

Но вдруг он остановился.

— И мясной оброк был у вас недостаточным, — заявил он матери Тренка, почти извиняясь. — Боюсь, вам придётся отдать господину рыцарю вашу свинью. — И он ткнул палкой в бок поросёнка, который похрюкивал, обнюхивая его кожаные башмаки.

— Но ведь он ещё не вырос! — воскликнул Тренк. — Он же ещё маленький ребёнок!

— Из таких получается самое нежное жаркое, — мрачно возразил управляющий и после этих слов наконец ушёл из бедной лачуги Тренка, чтобы отвести Хауга к рыцарю.